

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

НЕМЦЫ В РОССИИ

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

1998

Л. Э. Найдич

БЫТ И ОБРАЗ ЖИЗНИ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ ПОД ПЕТЕРБУРГОМ

В 60-е годы XVIII в. в России началось формирование немецких колоний, толчком к чему послужили манифесты Екатерины II «О позволении иностранцам выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу» (1762) и «О дозволении всем иностранцам, в Россию выезжающим, поселяться, в которых губерниях они пожелают, и дарованных им правах» (1763). Старейшие немецкие колонии под Петербургом образовались вскоре после их опубликования. В 1765 г. Екатерина II издала указ, согласно которому 110 семей из разных областей Германии должны были быть поселены вблизи Санкт-Петербурга. В том же году были заложены три первые колонии около российской столицы: Ново-Саратовская, Средняя Рогатка и Ижорская колония, или Колпино. В 1766 г. они уже были заселены. Ново-Саратовская состояла первоначально из 60 домов, расположенных «по берегу Невы реки против Рыбной слободы». ¹ Колония Средняя Рогатка была построена у «царскосельской перспективы близ Дворца средних рогаток», ² т. е. на пути из Петербурга в Царское Село, недалеко от путевого дворца, примерно в 12 верстах от Петербурга. Сюда были поселены 22 семьи. И наконец, 28 семей основали тогда же Ижорскую, или Колпинскую, колонию на правом берегу р. Ижоры, в 30 верстах от Петербурга и в 14 верстах от Царского Села.

За первой волной иммиграции иностранных крестьян в Россию последовала вторая. В период правления Александра I был создан целый ряд новых колоний вблизи Петербурга — недалеко от Финского залива, часто на землях, принадлежавших царской фамилии. Так, в ходе этой второй волны колонизации образовались колонии Стрельна, Кипень, Ораниенбаумская и др. Важную роль играло и создание дочерних колоний, выселков. Из-за нехватки земель в старых колониях колонисты покупали новые земли — хорошее материальное положение позволяло им это делать. ³ В 60-е годы XIX в. были основаны колонии Янино, Каменка, Новопарголовская, позже Новоалександровская (Обухово) и др. В 30-е годы нашего века в Ленинградской обл. существовало более тридцати немецких деревень.

Обычаи, быт, нравы немецких колонистов под Петербургом редко становились предметом специальных исследований. Гораздо тщательнее изучался более экзотический материал южных или волжских колоний. Ценные сведения содержит диссертация немецкого ученого

Э. Коха, который посещал северные немецкие колонии в 20-е годы нашего века.⁴ Тем не менее данная им интерпретация материала тенденциозна (он стремился доказать невежество и неполноценность колонистов), поэтому сведения, содержащиеся в этой диссертации, должны быть интерпретированы критически. Большую ценность представляют исследования диалекта и фольклора «немцев на Неве», сделанные В. М. Жирмунским и его учениками, в первую очередь А. Штремом.⁵ Лингвистическое описание этих диалектов было опубликовано в немецком диалектологическом журнале, а сборник народных песен, который хотели издать Жирмунский и его ученики, так и не вышел в свет. В работах Жирмунского о диалектах и фольклоре можно найти отдельные разрозненные замечания о быте немецких колонистов под Петербургом.

При такой скудости материала большое значение приобретают сведения, полученные от информантов. Как известно, немецкие колонии под Ленинградом существовали до 1942 г. Во время войны большинство колонистов попали в места ссылки, в основном в Сибирь. Не остались колонисты и в тех местах Ленинградской обл., которые были оккупированы немецко-фашистскими войсками. Колонисты из ряда деревень (например, Стрельна, Кипень) были вывезены на территорию Германии и Польши. Из-за внезапной и трагической ликвидации колоний под Петербургом-Ленинградом просуществовавшая более 170 лет специфическая культура, постепенно сформировавшаяся под влиянием различных факторов, стала почти забытой. Далее делается попытка реконструировать некоторые стороны этой утраченной культуры на основании немногочисленных опубликованных сведений и рассказов информантов.⁶

Как и большинство колоний, немецкие колонии под Петербургом представляли собой одну длинную улицу. Иногда имелись параллельные или перпендикулярные улицы, которые были построены позже. Колония делилась на две части — верхнюю и нижнюю деревни. В середине, как правило, находилась церковь. Строились в удобных местах — часто на берегу реки или на важном почтовом тракте. Примером первого типа колонии может быть Ново-Саратовка на берегу Невы, второго — Кипень. На берегах рек находилась также Стрельна (р. Стрелка), Колпино (р. Ижора), Овцыно (р. Нева). Первоначально заселялась только одна сторона улицы — та, которая была дальше от реки, во избежание затопления во время наводнений. Правда, расстояние от реки до строений было довольно значительным, так что колонии не затоплялись.

Ширина улицы была различной, но в большинстве колоний улица была широкой и состояла из нескольких частей. Часть улицы была мощеной — следы булыжной мостовой еще и сейчас можно найти в некоторых местах. По мощеной части улицы ходил тяжелый гужевой транспорт, в то время как на легком транспорте ездили по мощеной дороге. По обеим сторонам дороги были прорыты канавы, на которые были уложены деревянные мостки, своеобразные тротуары. Каждая семья следила за состоянием этих мостков вблизи своего дома.

Колонистские дома строились по официально утвержденным проектам; первые типовые проекты были созданы еще при Екатерине II. Существует легенда, что сама Екатерина II спроектировала

два дома для наиболее прилежных колонистов в Ново-Саратовской, которые простояли до 1913 г. 28 июля 1913 г. они сгорели вместе с семью другими во время большого пожара.⁷ Первые дома в старейших колониях под Петербургом были построены примерно в течение трех лет. Типовые проекты колонистских домов со временем видоизменялись.⁸ Новые дома, строившиеся либо в новых местах, либо на месте сгоревших, должны были отвечать потребностям колонистских семей. Приходилось учитывать нехватку места и стройматериалов, постоянный рост населения и т. п.; иногда дом приходилось делить на две семьи. Постепенно дома становились меньше и беднее, менялся также их облик и стиль: архитектура домов приближалась к русской дачной — дома с верандой и с характерным мезонином.

Дома могли быть одноэтажными и двухэтажными, обычно с надстройкой-мезонином. По первоначальному проекту дом и хлев должны были находиться под одной крышей, но впоследствии этот проект был отвергнут. Хлев и сарай стали строить отдельно, во дворе, при этом допускались различные варианты: в домах, построенных в 1914—1918 гг., сарай вместе с находящимся внутри него хлевом располагались непосредственно у задней стены дома. Хозяйственные постройки включали в себя обычно, кроме того, курятник, амбар, погреб. Иногда во дворе строился еще и летний дом (дача), который сдавался на лето приезжавшим из Петербурга-Ленинграда дачникам.

Внутреннее убранство колонистского дома в последний период существования колоний (с начала XX в. до 1942 г.) напоминало скорее не крестьянский дом, а квартиру городских жителей среднего достатка. Колонисты любили мебель из красного дерева, иногда в доме стояла и не менее дорогая дубовая мебель. Характерными предметами мебели были бархатные диваны (канapé), зеркальные шкафы, буфеты. В спальне стояла высокая кровать, украшенная подушками с красивыми вышитыми наволочками. Любили колонисты и многочисленные безделушки, статуэтки из фарфора, покупавшиеся в городских магазинах. Были и изделия, изготовленные своими руками, — вязаные скатерти, салфетки, украшенные мережкой наволочки. На стене могли висеть красиво написанные по-немецки или вышитые изречения, например: «Rein wie der hellste Edelstein ist Mutterliebe ganz allein». На подоконниках стояли горшки с цветами.

Кухня в колонистском доме больше, чем комнаты, свидетельствовала о крестьянском образе жизни. Обычно в доме существовали две кухни — «чистая кухня» (*keine Küche*) и просто «кухня». В «чистой кухне» семья собиралась за столом. Там же стояла плита, можно было готовить. Плиту, называвшуюся заимствованным из русского языка словом «Plitt», топили дровами. В кухне или в людской стояла русская печь, в которой пекли хлеб, а иногда готовили некоторые блюда, например жаркое. К печи был прикреплен котел для подогрева воды. На кухне стоял большой стол, покрытый холщовой скатертью, а перед ним — длинная скамья. За ужином на скатерть высыпали сваренную в мундире картошку. Посередине стола стояла сковородка с растопленным свиным салом. Каждый чистил себе картошку, а потом макал на вилке в сало. Такой ужин, упоми-

наемый информантами, не случаен и соответствует немецкой традиции, долго сохранявшейся и в Германии, например в Пфальце.⁹

Воду держали в большом деревянном сосуде на кухне. Его называли по-разному в зависимости от диалекта: «Wasserzuweg» в Ново-Саратовской, «Wasserpitt» в Колпине, «Wasserfaß» в некоторых других колониях, например в Янино. Этот предмет и его названия были настолько характерны, что соответствующее слово стало шибболетом — по нему можно было определить диалектную принадлежность и место жительства говорящего: «говорит „Wasserpitt“ — значит, колпинский» и т. п. Кухонная посуда в основном соответствовала русской традиции нашего времени: эмалированные и алюминиевые кастрюли, «чугунник», сковородки. Использовали и русский самовар.

Бани во дворе, как в русском хозяйстве, не было. Общественные бани были только на левом берегу Невы, напротив Ново-Саратовской и в других местах за пределами колоний. Обычно колонисты мылись дома в больших тазах, которые они называли «Schissel» («Schüssel»), и в ваннах. Для мытья рук использовался ручкомойник, называвшийся русским словом «Rukomojnik». В колониях царила традиционная немецкая чистота. В пятницу и в субботу делали домашнюю уборку, в пятницу была, кроме того, большая стирка. Воду грели в котле, прикрепленном к печке, а стирали обычно в круглой деревянной лоханке, называвшейся заимствованным из русского языка словом «Lochanke». При необходимости белье кипятили и крахмалили, а гладили его большими угольными утюгами или каталкой, называвшейся «Rollholz». В субботу утром колонисты надевали белые передники и шли подметать улицы от одного дома к другому (т. е. у каждой семьи был участок улицы, за чистотой которого она должна была следить). Особая чистота и аккуратность соответствовали немецкому образу жизни, но, кроме того, уборка и поддержание в порядке улиц входили в официально утвержденные правила поведения колонистов, за выполнением которых следил староста. Перед каждым домом находился палисадник, а за домом — сад и огород. Подсобное хозяйство играло важную роль в жизни каждой семьи.

В домашнем быту колонистки занимались различными работами, в частности рукоделием. Любили вязать крючком и на спицах, делали кружевные воротнички и манжеты, вязаные скатерти, различные вышивки. Девушки должны были иметь хорошее приданое, которое готовили заранее. Долго сохранялась и традиция посиделок, когда девушки и женщины собирались вечером в одном из домов, занимались рукоделием и пели. В Ленинградской обл. еще бытовали старинные немецкие баллады, хотя наряду с ними исполнялись и русские романсы. Колонисты славились своей музыкальностью, любовью к пению и к игре на разных музыкальных инструментах. В некоторых домах шили, в частности на швейных машинках фирмы «Зингер», которые были в Петербурге почти в каждой семье. Но парадная одежда, которая была очень нарядной, заказывалась у портных. Некоторые предметы одежды изготавливали в богадельнях. Например, в Ново-Саратовской была богадельня, где старые женщины шили кофточки и ночные блузочки (Nachtkofile).

Представление об одежде колонистов под Петербургом в начале XIX в. дает нам иллюстрация к книге Майера фон Вальдека — немца, много лет жившего в России и оставившего описание Российского государства, где упоминаются и немецкие колонии. На рисунке изображен мужчина-колонист в длинном сюртуке, брюках, сапогах, в шейном платке, с фуражкой в руке. Рядом с ним стоят две колонистки — замужняя женщина и девушка, обе в длинных юбках с передниками, в чепцах, с платками на плечах.¹⁰ То, что у колонистов считалось национальной одеждой, сохранялось до конца XIX в., а отчасти до 20-х годов нашего века, особенно у старых женщин, бабушек. Обязательным было длинное шелковое платье из дорогого материала с несколькими накрахмаленными нижними юбками. Поверх платья надевался шелковый передник с длинными, как ленты, завязками. Характерен был головной убор — чепец, который носили и женщины, и девушки. Девушка получала свой первый чепец в подарок на конфирмацию; девушки носили обычно светлые чепцы с вышивкой, в то время как у пожилых женщин были темные шелковые чепцы. Чепец завязывался под подбородком — завязки в виде длинных лент могли быть пестрыми или темными. Шелковые платья иногда передавались по наследству из поколения в поколение.¹¹ На плечи женщины часто накидывали платки — либо тюлевые, либо пестрые русские шали. Мужчины носили пестрые жилеты или так называемые «Brusttücher» — своеобразные жилетки с застежкой доверху. Во время работы надевали передник: черный, если работа была грязная, белый — если не грязная. На белых передниках вышивали инициалы владельца — монограммы.

Перед Великой Отечественной войной колонисты одевались почти так же, как жители Ленинграда. На смену традиционной колонистской одежде пришла модная, городская, часто дорогая. «На парад» женщины надевали шелковые платья, лакированные туфли, меховые шубы или накидки из меха — ротонды.

Показательны и традиции принятия пищи и национальной кухни, долго сохранявшие специфические черты. Колонисты ели обычно четыре раза в день. Помимо завтрака, обеда и ужина, существовал полдник, называвшийся «Kaffeetrinken» («кофепитие»). Несколько продуктов легли в основу колонистской кухни. Это прежде всего картофель, свинина (свинные колбасы), кислая капуста, а также некоторые мучные изделия и выпечка. Эти продукты столь обычны для рациона немцев, включая немцев, живших в России, что существовала дразнилка: «Немец — перец, колбаса, кислая капуста» («перец», по-видимому, для рифмы). До сих пор бывшие колонисты вспоминают, что «вся жизнь вертелась вокруг картошки». Недаром Ново-Саратовскую в шутку называли «Kartoffelburg». Из других овощей следует упомянуть горох, фасоль, капусту, огурцы. Одним из коронных блюд был фасолевый соус (фасоль нарезали вместе со стручками, а затем тушили с маслом и с небольшим количеством молока и муки). Помимо картофеля, определенное место в питании колонистов занимала каша — «Kritz» («Grütze»), в чем можно заподозрить влияние русской кухни. Тем не менее известно, что в XVIII в. в Германии каша, в частности пшенная, занимала важное место в рационе крестьян.¹² Наряду с пшенной колонисты готовили иногда и гречневую, а также рисовую, а для детей манную кашу.

Почти каждый день колонисты ели мясо — в основном свинину, по праздникам куриное мясо. Свиной жир широко использовался для жарки. Свинину солили и коптили, из нее делали колбасу и ветчину. В каждом хозяйстве были запасы ливерной и кровяной колбасы. Широко использовались и молочные продукты — сливки, сметана, творог. Что касается последних двух, то здесь усматривается влияние русских и финских соседей, хотя и в Германии эти продукты имеют некоторое распространение.

Хлеб сначала пекли дома, в русской печи, позже стали покупать в магазинах. И наконец, колониетскую кухню нельзя представить себе без разнообразной выпечки, соответствующей как немецкой, так и русской традиции. Часто пекли, например, оладьи или блины — последние назывались «Plini», что лишний раз свидетельствует о русском происхождении этого блюда. С немецкой традицией связано изготовление хвороста — «Kärrpel» и пышек — «Kichel». Кроме того, пекли пироги. В колпинской колонии различали «Kuche» — сладкий пирог, например с яблоками, с творогом, с ревенем, с ягодами, и «Rigoske» — несладкий пирог, например с мясом, с морковью, с картофелем. Традиционным был пирог, называвшийся в колпинской колонии «Koffeekuche» (т. е. «кофейный», подававшийся к кофе), а в Ново-Саратовской — «Zuckerkuche». Пирог этот посыпался сверху засыпкой, состоящей из сахара, масла и муки, и должен был быть высоким (чем выше, тем лучше). Его подавали во время праздников, например в воскресенье, когда приходили гости, и даже на свадьбу.

Из мучных изделий следует упомянуть также лапшу и клецки. Суп с лапшой — куриный или из говядины — подавали во время праздничного обеда. Лапшу и клецки делали дома. Тонкое раскатывание теста для лапши, например для свадебного стола, было особым искусством. Из булки, яиц и муки делали и особые клецки, называвшиеся интересным словом-гибридом, в котором одна часть русская, другая — немецкая — «Pulkeknepfen» («knepfen» — одно из диалектных названий клецок; «pulke» — из русского «булка»).

По немецкой традиции, колонисты любили пить кофе. Тем не менее едва ли можно было позволить себе пить натуральный кофе каждый день. Поэтому часто использовали кофе из ржи или ячменя. Добавляли и цикорий, который выращивали тут же в огороде, а затем приготавливали для кофе — высушивали корень, поджаривали, размалывали. Пили и другие напитки — чай, компот, кисель. Мужчины любили пиво, иногда пили водку, но алкогольными напитками не злоупотребляли.

Быт, образ жизни, культура немецких колонистов под Петербургом сложились под влиянием разнообразных факторов. Немецкие традиции колонистов, прибывших в XVIII и XIX вв. из различных регионов Германии, соединились с чертами, заимствованными у русских, а иногда и у финских соседей. В колониетской культуре слились, кроме того, крестьянский образ жизни, часто весьма архаический, и традиции города (либо пригорода большого города), причем в этом случае дело обстоит не просто, так как определенную роль играло общение не только с русскими, но и с немецкими жителями Петербурга. И наконец, следует учесть и соединение спонтанно развившейся культуры с культурой официальной, возникшей под влия-

янием официально внедряемых правил поведения и таких учреждений, как церковь и школа. Например, литературный немецкий язык колонисты, говорившие дома на одном из немецких диалектов, учили в школе. Большую роль в жизни колонистов играла церковь, а священник был одним из самых уважаемых людей.

Из этих разнородных источников сложилась уникальная культура, которая ныне безвозвратно утрачена.

¹ См.: Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. 1830. Т. XVIII. 1767—1769. № 13 325. С. 927.

² Там же. Об образовании немецких колоний в Петербургской губ. см. также: *Koepgen P. V.* Über die Deutschen im St. Petersburger Gouvernement. SPb., 1850.

³ *Шрадер Т. А.* Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 132—139.

⁴ *Koch E.* Die deutschen Kolonien Nordrußlands. Gera, 1931.

⁵ *Ströhm A.* Deutsche Mundarten an der Newa. I // *Teuthonista*. 1926/27. Jg. 3. S. 39—62; *Schirmunski V.* Deutsche Mundarten an der Newa. II // *Teuthonista*. 1927. Jg. 3. S. 153—165.

⁶ Неоценимую помощь в данной работе оказали бывшие колонисты, особенно Яков Георгиевич Эргарт, Ирма Адольфовна и Елизавета Яковлевна Ладе, Регина Карловна Гарлеман, Тереза Христиановна Шмидт, Маргарита Леонтьевна Аман, Софья Федоровна Флейшман, Екатерина Христиановна Иванова. Приношу им искреннюю благодарность.

⁷ *Огонек*. 1913. 2(20). Июнь. № 27.

⁸ См.: *Koch E.* Op. cit.

⁹ *Seebach H.* Was der Pflzer Bauer nicht kennt... Essen und Trinken im Wandel der Zeit: Ein Beitrag zur Volkskunde der Pfalz. 1991. S. 95.

¹⁰ *Meyer von Waldeck Fr.* Rußland: Einrichtungen, Sitten und Gebräuche. Leipzig: Prag, 1884. S. 179f.

¹¹ *Koch E.* Op. cit. S. 86.

¹² *Seebach H.* Op. cit. S. 86.